

Татьяна Петровна, как получилось, что семья петербургской технической интеллигенции, в которой вы родились, вдруг, в одном поколении, стала сплошь театральной? В актеры пошли и вы, и ваша сестра Нина, и братья Василий и Павел...

– Я считаю, что «театральную заразу», как говорил мой папа, в семью принес он сам. Он изумительно писал стихи и великолепно их читал. А воспитание и образование детей начинал с театра. Папа был крупным инженером. Мама – педагогом-математиком, автором известного в то время задачника. Когда произошла революция, рабочие выставили к нашему дому охрану. У меня потом спрашивали: а что, родители очень любили рабочих, много общались с ними? Нет. Просто, как мне представляется, вопрос взаимоотношений между людьми – это вопрос интеллигентности, когда человек не позволяет себе считать, что кто-то ниже его. Родители мои были потомственные интеллигенты из ученой петербургской среды.

Словом, поскольку первым ушел в театр мой старший брат Василий, то папа обвинил его в случившемся. Вася погиб 28 августа 1941 года, в самом начале войны, которая застала его в театре Краснознаменного Балтийского флота. Корабль, где они давали спектакль, налетел на мину. Первыми спасали женщин и детей. А когда мужчины сели в лодку, их на бреющем полете гитлеровцы расстреляли.

Стал известным актером и мой младший брат Павел – он играл в Ленинградском Большом драматическом театре, много снимался в кино. Сестра Нина тоже играла в БДТ и преподавала в ГИТИСе.

А я в последних классах школы ходила по театрам – присматривала, где хочу работать. Когда в Ленинград приехала на гастроли Малый, увидела «Детей Ванюшина». Подлинность переживания, актерская и человеческая отдача меня так потрясли, что я подумала: надо работать только в Малом театре.

Я сказала отцу, что хочу идти по стопам старшего брата, но он ответил: сначала получи профессию, а потом будешь заниматься этой ерундой. Я окончила физико-математический факультет Ленинградского университета (очень любила математику), положила папе диплом на стол и уехала в Москву. Там поступала во все театральные вузы, везде меня приняли, а в школу Театра революции даже на второй курс. Но когда неожиданно для меня выяснилось, что прошла и в Щепкинское училище – счастью моему не было предела. И с 1939 года (учеба в школе Малого театра засчитывается в трудовой стаж), 65 лет я в Малом.

Наверное, трудно было жить в студенческие годы одной в Москве...

– Нас выручал «Мосфильм»: массовки, озвучание. Тогда существовала довольно сложная технология озвучания. У меня голос грубый, и я, например, копировала ржание лошади под Ворошиловым в «Первой конной». Все надо мной смеются, но я с гордостью об этом рассказываю! Это моя запись!

Где-то как-то что-то перепало. Каждое лето помогала заработать Елена Николаевна Гоголева: устраивала в военную фельдшерскую комиссию, где платили небольшие суточные. Что-то собирала к зиме. Но училище я окончила на сплошных долги. Последние деньги – 300 рублей – отдала Игорю Ильинскому, который никому не давал в долг, но меня выручал, поскольку я отличалась точностью: если обещала отдать во вторник днем, то это было во вторник днем, а не вечером.

Вы помните свое первое выступление на сцене Малого?

– Еще как! Константин Александрович Зубов, блистательный актер и великолепный педагог, всех студентов начиная с первого курса заставлял ходить в массовках. В тот вечер играли премьеру спектакля «Отелло» в постановке режиссера Радлова. Со сцены в зрительный зал спустились две лесенки, а площадка между ними предназначалась для игры.

Мы, студентки-«турчанки», сидели на этих лесенках. Перед началом знаменитой сцены Отелло и Яго с платком нам полагалось потихоньку встать и уйти, после чего Отелло-Остужев говорил: «Мы здесь одни. Ну, начинай...» Но я настолько увлеклась спектаклем, что так и осталась сидеть. И вдруг с ужасом вижу, как Яго-Терехов из-за спины жестами пытается показать мне, что надо уходить. Но его жест не был направлен в сторону кулис, где мне давно полагалось находиться, а указывал в зрительный зал. И я пошла туда. Когда спустилась по лестнице, то обнаружила, что иди негде, кроме как по самой авансцене перед Отелло и Яго. Первое, что я тогда поняла: насколько по-другому,

Малый академический – единственный театр в мире, где есть амплуа (или звание?) – Великие Старухи. Оно предполагает в актрисе не только талант и высокое мастерство, но и яркую личность, сильный характер, жизненное и трепетное отношение к партнерам и зрителям. Человеку, знакомому с историей русского театра, здесь вспоминаются имена Турчаниновой, Рыжовой, Пашенной. Сегодня в этом ряду – имя Татьяны ПАНКОВОЙ, которая недавно отпраздновала 90-летие.

Татьяна ПАНКОВА:

Я ШЛА ЗА ВЕЛИКИМИ СТАРУХАМИ

чем в жизни, идет время на сцене. Я шла мелкими турецкими шажками, и мне казалось, что никогда не дойду, так это далеко и так долго. И когда Терехов-Яго, устав от ожидания, хотел начать диалог, Остужев закрыл ему рот рукой. То есть он обыграл мою неловкость.

Потом я подошла к Остужеву, чтобы извиниться, а он был настроен благожелательно: «Ну что вы, девочка! Какие пустяки!» Он простил, но Зубов меня не простил. Снял с должности старосты курса и понизил стипендию.

Татьяна Петровна, насколько известно, вы еще студенткой училища попали во фронтовую филиал Малого театра...

– Мы с начала войны были связаны с фронтом – так решили наши корифеи: Пашенная, Рыжова, Ильинский, Остужев... Они одними из первых выехали с бригадами на фронт, а потом организовался фронтовой филиал, в котором я провела два года. Мы были на передовых. Солдаты мастерили нам в лесу сцену, а мы играли. Как только зажигался свет – летели мессершмиты, артисты прятались под сцену, все гасило. Спектакли шли часов по семь-восемь.

У меня здесь стоит самоделтик: «Малый театр – фронту». Мы отозвались от отпусков, выходных, и на эти деньги была построена летняя эскадрилья. Я помню, как на аэродроме наши артисты (от самых молодых до самых маститых) передавали летчикам паспорта на самолеты. А они нам писали с фронта: сбили вражеских самолетов столько-то, такой-то наш самолет погиб...

Казалось бы, что два таких слова, как «счастье» и «война», несомненно, но я была счастлива. Счастлива своей востребованностью. Мы работали с 11 утра до 11 ночи. На палубах эсминцев ставили спектакли. А на подлодке выступали по одному. Работали в госпиталях. Входим как-то с одним актером в палату, где было три человека. Казалось бы: большим людям надо читать что-то веселое. Мой коллега начал читать смешной чеховский рассказ. Но раненые отворачиваются, не слушают. Я поняла, что им нужно другое. И прочла одну из «Итальянских сказок» Максима Горького о матери, которая убила сына за измену родине. Слушали лучше, но тоже

не очень-то. Когда я закончила читать, раненый подозвал меня и сказал: приоткрой одеяло. Смотрю: у него нет двух ног и одной руки. Он попросил: возьми у меня под подушкой адрес и напиши письмо моей жене. Напиши, что я ее по-прежнему люблю, но все понимаю и никаких претензий, никаких огорчений не позволю себе, если она откажется от меня. Я ее пойму. Пусть воспитывает нашего сына. Я ревели белугой, когда писала это письмо, а на третий день она за ним приехала. Вот так мы были востребованы, и не обязательно своей актерской работой.

Татьяна Петровна, а вам не обидно было в двадцать лет играть старух?

– Я никогда не играла молодых, как Блюменталь-Тамарина, которая сызмальства исполняла роли старух. Но я никогда не делала ни специальной походки, ни голоса. Не играла возраст, а работала над ролью по существу. И, выходя на сцену, становилась старше. Сейчас мои героини немного младше меня, а раньше – лет на сорок – пятьдесят старше. Не могу сказать, что мне не удалась моя первая роль в «Сотворении мира». Но первым огромным счастьем стала следующая – роль Ефросиньи Старицкой, которую я играла в очереди с Верой Николаевной Пашенной. Мне был 21 год, а моей героине 70. Пашенная сломала ногу в щиколотке, как электрическую лампочку разбила. Это было надолго. А спектакль очень любил Сталин – смотрел шесть или семь раз. В те времена не оставляли без внимания желания правительства. Вот я и играла Ефросинью. Роль принимали Яковлев, Садовский, Рыжова, Турчанинова – я горжусь, что они поставили меня в прямую очередь с Пашенной. Третья роль – Степанида в «Мещанах» Горького. Премьера... Столики других участников спектакля завалены цветами, только мой пустует. Но вдруг к концу спектакля приносят в кадке огромный куст сирени. Разворачивают – Панковой от Михоэлса. Он смотрел спектакль. Эти три роли – мое становление в театре.

У вас никогда в жизни не было провалов?

– Да что вы! Без провалов актер не может! Когда я огорчалась провалами, мой педагог Константин Александрович Зубов

говорил: Таня, запомни, растут не на успехе, растут на провалах. Только тогда начинают анализировать свою работу. Не бойся провалов. И я их действительно не боюсь. Только очень трудно играть. Пот со лба течет, думаешь, скорее бы кончился спектакль... Когда все хорошо – этого нет, какой бы тяжести костюм ни был. Я играла огромную роль в пьесе Гольдони «Бабы сплетни». Как я плохо ее играла, сил нет! И когда оказалась в Венеции, увидела памятник Гольдони, то встала перед ним на колени и воскликнула: «Прости меня, Карло!»

Как вы готовитесь к спектаклю? У вас есть свой собственный метод?

– Мне рассказывала одна наша старейшая одевальщица, что Дарья Васильевна Зеркалова перед самым выходом на сцену кружево у подола раз – и оторвет! А потом просит ее: ой, Машенька, давай скорей пришивать! Скорее, скорее! А у нее, Маши, руки трясутся, она уже бросает иголки, берет булавки, подкалывает... В последнюю минуту выскакивает на сцену и блистательно играет. У меня таких специальных приемов нет. Но, скажем, я никогда не повторяю роль в день спектакля. Только накануне. Чтобы в день спектакля она была свежей. И чтобы любое слово стало бы в новинку. Дай бог, чтобы я всегда была с текстом в ладу. До сих пор его очень быстро запоминаю.

Какими партнерами были ваши великие учителя?

– Я очень много играла в театре срочно. Ведь наши старухи – люди невероятные – им было по восемьдесят, по восемьдесят девять лет. Однажды играла за Турчанинову. Подхожу к Рыжовой: «Варвара Николаевна, давайте повторим текст, я что-то волнуюсь». Она отвечает: «Душка моя, зачем повторять? Здесь темно. Выйдем на сцену, там светло, увидим друг друга и сделаем все как надо». С тех пор я вспоминаю эту фразу как великое учение. Когда я на сцену говорила с Варварой Николаевной, ее глаза были заняты только мной, партнером. Наши старики всегда заботились о партнере. Как только забываешь о нем и начинаешь заботиться о себе – зритель теряет к тебе интерес. Сейчас это не все артисты понимают и часто пытаются переиграть друг друга.

На сцене Малого эти традиции сегодня живы?

– Партнерство осталось. Осталось правило, что как бы ты ни был болен, в каком бы ни был настроении – полная отдача и дисциплина на сцене. Но у нас есть и много нового. Раньше в спектакле проживалось все, что написано автором в пьесе. И ни один актер не отдавал найденные им для роли «штучки», на которые публика реагировала, смеялась. Теперь темп другой. Многие места из пьес вымарываются. Классика – великая вещь. Здесь дело только в акценте. Я всегда привожу в пример наши «Волки и овцы». Раньше Мурзавецкая была этаким секретарем обкома, который делал вид, что он честный партиз, а деньги, которые обманным путем получал, быстро прятал в книгу. Сейчас она хохочущая, наглая и совсем не боющаяся взять эти деньги. Но появляется мафиози более сильный – Беркутов, он делает Мурзавецкую «дочерней фирмой», и она становится его помощницей.

Классика всегда современна и требует только расстановки акцентов. Для этого не надо ни выкидывать текст, ни вставлять другой. Мой учитель Константин Зубов говорил: можно даже штаны снять на сцене, но надо понимать, зачем ты это делаешь. Почему сегодня в «Современнике» в «Грозе» Островского монологу Катерины «Ну почему люди не летают...» читает Кабаниха? Ни мне, ни другим зрителям этого не понять. Меня очень удивила такая постановка, потому что Волчек отлично работает и держит театр. Или вот недавно смотрела «Мольера» во МХТ... Ответьте мне, пожалуйста, почему Тартюф сидит в финской бане в полосатом купальном костюме, кругом пар, и у него на каждом колене по девке? Что это дает? Ведь написанное Мольером гораздо сильнее. И выявить это – гораздо интереснее. Но есть желание поднять автора под себя. Ты так, а я вот так хочу. Пожалуйста, сделай, как ты хочешь, и я с удовольствием посмотрю. Но должно быть понятно, что ты хотел сделать, и тогда я отвечу на вопрос, получилось у тебя или нет.

Татьяна Петровна, вы не могли бы рассказать случай из вашей творческой жизни, который вам больше всего запомнился?

– Наверное, это последний спектакль Веры Николаевны Пашенной. Когда она болела и долго не приходила в театр, я встретила ее дочь и спросила, будет ли играть Вера Николаевна. Она ответила: «Таня, у нее очень мало сил, она боится, что не доиграет». И тогда я предложила, что буду сидеть за кулисами в гриме, в костюме. Пусть она играет, а если не сможет, то выйду и доиграю я. (Речь шла о спектакле «Гроза» в постановке Пашенной, где мы в очередь играли Кабаниху.) Вера Николаевна приехала. Сначала она мне сказала, что гримироваться не надо. Через некоторое время попросила: Танечка, зариммируй меня, но костюма не надевай. Еще через некоторое время говорит: будьте в полной форме. Я в гриме и костюме стою за кулисами. Она отыграла два акта, а потом, тяжело дыша, попросила: Таня, идите на сцену, больше не могу. Я ей говорю: Вера Николаевна, я пойду, я готова, но ведь если вы сейчас не выйдете, то больше никогда не увидите на сцене... И предложила, что буду стоять у занавеса: «Возьми платок в руку. Если вы бросите его – дам занавес». Она вышла на сцену, начала играть – задыхается. Потом смотрю – одышка проходит. Доиграла спектакль. А когда я в другой раз попыталась уговорить ее играть, то в ответ услышала: «Нет. Я же не на своей, я на вашей воле доиграла. Но я вам благодарна за то, что сыграла, и зритель ничего не заметил». И это еще одна традиция Малого театра: что бы с тобой ни было, зритель не должен отвлекаться от игры.

Что вы больше всего в жизни любите?

– Свою работу. Я счастлива тем, что всегда была востребована, и благодарна судьбе, которая дала мне лучшую в мире профессию – актерскую. Да еще в Малом театре... Мне сейчас девяносто лет. Конечно, как и всем людям, хотелось бы, чтобы было поменьше. Но я понимаю – если бы мне было меньше лет, то я не застала бы тех великих мастеров, у которых училась, и не владела бы тем, чем сейчас владею. Мой педагог говорил: Таня, со мной вы прошли школу, идя за нашими стариками – вы проходите университет.

Знаете, чем держится Малый театр? Я убеждена: его бережет энергетика тех великих людей, которые на протяжении почти двух веков играли на этой сцене. Она остается здесь и никуда не уходит.

Беседу вел
Татьяна СЕМАШКО